

Заметив, что Линь Лан вроде бы смягчился, Цзя Лянь поспешил добавить:

— Старший двоюродный брат по матери, я в долгу не останусь. Если спасёшь меня, клянусь — отныне во всём буду следовать за тобой, ловить каждое твоё слово!

Ван Сифэн, заправлявшая всеми делами в поместье, прекрасно понимала: бывшее величие семьи — лишь пустая ширма. Внешне всё выглядело богато, но внутри давно зияла пустота. Этим глянцем ещё можно было пустить пыль в глаза мелким чиновникам, но настоящие вельможи и столичная знать ни во что не ставили дом Цзя.

Да и саму Сифэн на светских приёмах обделяли вниманием. Какая разница, что её муж — законный внук самого герцога? В столице он всего лишь помощник начальника округа, да и тот чин куплен за звонкую монету! Сама она не имела даже самого скромного дворянского титула. В то время как старые господа и тётушки чинно отправлялись во дворец выразить почтение императорской семье, Сифэн оставалась в поместье вместе со вдовой Ли Вань.

Сифэн до последнего не хотела раскрывать грязные тайны их дома Линь Лану. Всё-таки он не принадлежал к роду Цзя. Но Цзя Лянь в своём отчаянии напрочь позабыл о приличиях и гордости! Она не понимала, почему муж так отчаянно молит юношу о помощи и даёт столь унижительные обещания, но он оставался её супругом — единственной опорой в этой жизни.

Решив разделить участь мужа, она шагнула вперёд:

— Братец Лан, если поможешь нам выбраться из этой ямы, обещаю: впредь любая твоя просьба для меня — закон. Ни в чём отказа не услышишь!

Линь Лан остался бесстрастен. Он не выдал ни капли волнения.

— Старший двоюродный брат по матери Лянь, невестка, к чему эти громкие слова? Коли просите о помощи, так поведайте сперва, что стряслось.

Поняв, что надежда есть, Цзя Лянь торопливо заговорил:

— Ещё в день твоего приезда я понял, что ты человек незаурядный. А уж видя, как ловко и рассудительно ты ведёшь дела и как прекрасно осведомлён о столичных слухах, я и решился просить тебя о спасении.

— Потихе, старший двоюродный брат по матери, — покачал головой Линь Лан. — Я всего лишь несмышлёный юнец. Откуда мне знать о столичных интригах? Просто учитель в своё время подробно рассказал мне о здешних влиятельных кланах.

— Да-да, конечно! Это я сглупил, язык мой — враг мой, — закивал Цзя Лянь. — Не держи на меня обиды, братец.

Отпив глоток чая, Линь Лан негромко произнёс:

— Давай ближе к делу. Сестрица Дайюй ждёт меня, негоже заставлять её лишний раз волноваться.

Кивнув, Цзя Лянь сглотнул и понизил голос:

— Хорошо... В те дни, когда ты занемог и не выходил из комнат, я выпивал в восточном крыле с братом Чжэнем. Засиделись допоздна, все разошлись, остались мы вдвоём. Он изрядно захмелел и вдруг принялся вслух называть невестку её детским именем. А потом... — Лянь замялся от стыда. Ван Сифэн в изумлении уставилась на него.

— И что же? — спокойно спросил Линь Лан.

— Я попытался его урезонить, велел помалкивать, а он только рассмеялся в лицо: «Чего мне бояться? Думаешь, я по глупости женил на ней Жун-эра? Ха-ха-ха! Да это Кэцин — незаконная дочь Великого князя Ичжуна! Если бы Старая госпожа не верила, что покойный наследник ещё может вернуть себе силу и взойти на престол, с какой стати мы бы взяли эту девку в дом?!» Услышав такое, я прямо там и похолодел. С тех пор места себе не нахожу. Помогите, братец, спасите от плахи!

Ван Сифэн обомлела. Она и помыслить не могла, что за душой у Цинь Кэцин кроется столь опасная тайна! Теперь понятно, почему безродная сирота, забранная мелким чиновником из приюта, вдруг стала невесткой в самом богатом доме Поместья Нинго, да ещё и пользовалась безграничной милостью Матриарха. Всё дело было в её происхождении!

Линь Лан знал, что семейство Цзя славится безрассудством, но не подозревал, что они совсем лишились разума. Ладно бы просто приютили дочь опального Великого князя ради призрачной выгоды, так её ещё и осквернил собственный свёкор! Даже если её отец впал в немилость, Кэцин всё равно оставалась внучкой почившего Императора, носительницей царской крови! Как они посмели так замарать её честь? Священный престол никогда не простит подобного глумления над своей кровью.

В комнате воцарилась мёртвая тишина. Линь Лан прикрыл глаза, откинулся на спинку стула и тихо спросил:

— Кто ещё в поместье знает об этом?

— В тот вечер я в панике сбежал домой, — признался Цзя Лянь. — Потом потихоньку разузнавал... Похоже, старшие в семье всё прекрасно знают. И все согласны на эту опасную игру.

Линь Лан медленно выдохнул.

— Раз тайну хранили столько лет, значит, сию минуту гром не грянет. Паниковать поздно. Император дорожит честью рода и не станет устраивать публичную казнь, если всё можно решить тихо. Сейчас важнее другое: немедленно прекратите все беззакония, которые творятся в этом доме!

— Что именно ты имеешь в виду? — растерялся Цзя Лянь.

— Выдача ссуд под ростовщический процент, торговлю влиянием на судах, потакание бесчинствам родни и наглость слуг!

При упоминании ростовщического процента Сифэн смертельно побледнела. Цзя Лянь сразу всё понял и в ярости набросился на неё:

— Ты?! Так это твоих рук дело?! Ты давала деньги в долг под ростовщический процент?! Вмешивалась в суды?!

— Нет, нет! О судебных тяжбах я и знать не знаю! — взмолилась Сифэн. — Но если бы я не пускала деньги в оборот, на что бы мы жили? Поместье давно по швам трещит! Я больше половины своего приданого на нужды дома извела! Откуда мне ещё брать серебро?!

— Если не хватало денег, почему не сказала мне?! — бушевал Лянь.

Сифэн, обычно ни в чём не уступавшая мужу, тут же вскипела:

— Сказать тебе?! Да ты только трать горазд, когда ты хоть медную монету в дом принёс?!

Пристыженный, Цзя Лянь попытался сохранить лицо:

— Но даже так... могла бы просто отказаться от этого бремени и не соваться в управление!

— Легко говорить! Старая госпожа души не чает в младших. Твой отец унаследовал титул, а ютимся мы у самых конюшен! Если бы я не прибрала к рукам хозяйство, нас бы здесь со свету сжили!

Видя, как супруги готовы вцепиться друг другу в волосы, Линь Лан повысил голос, обрывая спор:

— Хватит. Каковы бы ни были причины, немедленно всё прекратите. О тех деньгах, что уже розданы в долг, забудьте — не вздумайте требовать их обратно. И самое главное: заприте под замком визитные карточки старшего дяди по матери. Ими не должен пользоваться никто посторонний. Если судами заправляла не невестка, значит, за этим стоит вторая ветвь семьи. Но печать на прошениях — это имя всего дома Цзя. Не позволяйте втягивать себя в их грязные

дела.

Оба супруга были людьми неглупыми. Понимая, что дело уже сделано и взаимными упрёками беде не помочь, они понемногу остыли.

— А дальше? — тихо спросил Цзя Лянь. — Что нам делать потом?

Линь Лан снисходительно усмехнулся:

— Дальше — заметать следы. Но только не своими руками. Помните: Старший дядя по матери — твой отец, а Матриарх прожила долгую жизнь и повидала всякое. У неё опыта побольше, чем у нашей неоперившейся молодёжи.

— Старший дядя по матери? Матриарх? — переспросила Сифэн, нахмурившись.

— Именно, — кивнул юноша. — Пусть он возьмёт вас с собой к Матриарху. Выложите им всё без утайки. Пусть у них голова болит, как расхлёбывать эту кашу.

Цзя Лянь хотел было расспросить подробнее, но Линь Лан уже поднялся со своего места.

— Время позднее, засиделся я у вас. Позвольте откланяться.

— Погоди, братец Лан!.. — попытался остановить его Лянь, но тот уже вышел за порог и направился напрямик к себе.

Вернувшись в свои покои, Линь Лан первым делом навестил Дайюй. Поболтав с ней немного о пустяках, он ушёл к себе, чтобы умыться и приготовиться ко сну.

Удалив служанок, Линь Лан лёг в постель, но сон к нему не шёл.

«Слова брата Ляня растревожили старые мысли, — размышлял он, глядя в тёмный потолок. — В бытность свою наследником Великий князь Ичжун держал под рукой все налоги Гусу. Отец занял свою должность ещё до этого назначения, но покойный Великий князь когда-то открыто заступился за него перед престолом. Пусть тогда отцу содействовали и другие царевичи, но ведь он к тому же взял в жёны законную дочь герцога Жунго — мою матушку. А сам покойный герцог был верным соратником Великого князя Ичжуна. Для всех при дворе род Линь давно делит одну лодку с опальным наследником. Государь потому и держит отца на юге, не позволяя вернуться в столицу, что подозревает его в верности старым мятежникам. Если так, наш род ни в коем случае нельзя впутывать в эту историю. Наше положение и без того шаткое. Если грянет буря, мы пойдём на дно вместе с домом Цзя».

Линь Лан ворочался с боку на бок, понимая, что тучи сгущаются слишком быстро и одному ему

с этим не совладать. Подумав, что утро вечера мудренее, он решил завтра же навестить учителя и спросить его совета.

Юноша наконец забылся тревожным сном, а вот в покоях Цзя Ляня в эту ночь покоя не знали.

Проводив гостя, супруги постарались напустить на себя невозмутимый вид перед челядью. Молча дождались, пока их умоют и разденут ко сну, и лишь когда за последней служанкой закрылась дверь, Цзя Лянь тихо спросил жену:

— Почему ты молчала? Почему ничего не говорила мне?

— А был бы толк? — глухо отозвалась Сифэн. — Ты ведь у нас благородный господин, а в карманах ветер гуляет. Заботы о хозяйстве лежат на моих плечах, мне рано или поздно всё равно пришлось бы во всём этом копаться. Вот и решила пораньше привыкнуть к ярму.

Цзя Лянь тяжело вздохнул:

— Твоя правда. Глуп я был и слеп. Столько лет ты со мной маешься, натерпелась, бедная...

Сифэн покачала головой в темноте:

— Перестань. Я ведь тоже хороша — таких дел наворотила, а ты меня не бросил, защититесь пытаешься. Это я раньше злилась на тебя по пустякам, думала, что у тебя совсем сердца нет.

Когда они только поженились, между ними царило полное согласие и нежность. Но безжалостное время и мелкие дразги стёрли этот лоск. Повседневные заботы, безденежье и вечная грызня за влияние воздвигли между ними стену. Супруги отделились друг от друга, и лишь смертельная опасность, нависшая над их головами, вновь заставила их сплотиться.

Нащупав её ладонь, Цзя Лянь крепко сжал пальцы жены:

— Что бы ни случилось, я тебя в обиду не дам. Завтра же пойдём к батюшке. Выложим всё как на духу — и про долги, и про суды. Что заслужили, то вместе и примем.

Сифэн придвинулась ближе к мужу:

— Сама заварила кашу, самой и ответ держать. Ты тут ни при чём. Завтра я сама во всём признаюсь старшему господину, найду нужные слова, не беспокойся.

— Глупая, мы ведь одна плоть, — обнял её Цзя Лянь. — Вместе пойдём. Но скажи мне: как ты вообще ввязалась в эту выдачу ссуд под ростовщический процент?

— Я ведь ходила к Госпоже Ван, жаловалась, что концы с концами сводить не на что, — всхлипнула Сифэн. — А она мне в ответ: «Быть того не может, я в этих делах не смыслю. Но ты только глупостей не делай, упаси бог связаться с ростовщичеством — это же грех смертный!» А я ведь в чертей да кару небесную никогда не верила. Слышала только, что на процентах можно быстро и легко разбогатеть. Денег в казне не было, вот я и...

Цзя Лянь ласково погладил её по плечу. Привыкший видеть её гордой и острой на язык, он и подумать не мог, что она попадётся на такую топорную уловку тётушки.

— Дурочка ты моя... Знаешь ли ты, почему ростовщические проценты так быстро возвращают? Да потому что за каждым выбитым грошом стоят чужие слёзы, кровь и сломанные судьбы!

Размякшая от нежданной ласки мужа, Сифэн притихла:

— Я и не думала... Просто радовалась, что серебро рекой течёт. Больше к этому делу и близко не подойду. Я уже велела Пин-эр всё свернуть.

Цзя Лянь согласно кивнул. Супруги ещё долго шёпотом обсуждали, как держать ответ перед старшими, пока сон наконец не сморил их обоих.

Чуть свет Цзя Лянь с женой поспешили к Цзя Шэ. Как позже донесла служанка Хэжу, не прошло и получаса, как старший господин в сопровождении молодых отправился напрямик к Матриарху.

Линь Лан проснулся лишь к полудню. Слуги доложили, что Старая госпожа всё утро совещается с представителями старшей ветви и конца этому разговору пока не видно.

— Спрашивал ли меня кто-нибудь? — поинтересовался он.

— Никого не было, молодой господин, — ответила Хэцзя, расставляя на столе приборы.

«Брат Лянь оказался довольно разумным, не стал втягивать меня в семейные дразги», — мысленно похвалил его Линь Лан.

После сытного обеда полуденный зной разморил юношу, и он решил прилечь отдохнуть.

Когда он открыл глаза, Хэцзя тихо доложила:

— Молодой господин, четверть часа назад заходила барышня Дайюй. Я сказала, что вы изволите почивать, и она ушла.

Линь Лан лишь лениво кивнул, не вставая с кушетки, и Хэцзя поспешила к барышне, чтобы передать, что её брат проснулся.

Как выяснилось, Дайюй хотела попросить брата купить для Таньчунь несколько забавных безделушек при следующей поездке в город. Но раз Линь Лан спал, Таньчунь уже успела перепоручить это дело Баоюю, так что надобность в расспросах отпала.

Хэцзя вернулась в покои хозяина и передала ему эти новости.

<http://bllate.org/book/18219/1753776>